

Праздник, к которому готовились Кан Чжэ и его близкие, был ежегодным Фестивалем обхода гор, проводившимся в Кандине. В этих землях, где издревле бок о бок жили тибетцы и ханьцы, давно бытовало верование: восьмой день четвёртого лунного месяца — день рождения Будды Шакьямуни. Любое благое дело или молитва, совершённые в этот месяц, обретали в разы приумноженную добродетель.

Каждый год в этот день тибетцы со всех уголков Гардзе, облачившись в национальные одежды, собирались у горы Паомашань и на берегах реки Чжэдо. Сначала люди зажигали благовония в храмах, сжигали ритуальные деньги, затем обходили священные горы, моля божеств о покровительстве и процветании в грядущем году.

Кан Чжэ рассказал Тан Юйхуэю, что прежде тибетцы после обхода горы разбивали шатры и устраивали всевозможные представления: деревенские труппы играли традиционные пьесы, пели народные песни, танцевали танцы Гочжо и Сяньцзы [1], а наездники состязались в скачках и стрельбе из лука. Девушки надевали лучшие наряды, устраивали праздничные трапезы прямо на траве в степи.

[1] Традиционные тибетские танцы. Смотреть тут:
https://www.youtube.com/watch?v=p_wa9kfb3_M

<https://www.youtube.com/watch?v=lF1QJqQx3dw>

Тан Юйхуэй, представив это, проникся предвкушением праздника, хотя Кан Чжэ и охладил его пыл, сказав, что былые традиции давно утрачены и сейчас всё больше походит на туристическое мероприятие. Но Тан Юйхуэй всё равно был полон энтузиазма и считал дни до восьмого числа. Он хотел, чтобы Кан Чжэ пошёл с ним на празднование, но тот, очевидно, собирався отказаться. Он посоветовал Тан Юйхуэю ехать одному на автобусе, упомянув, что на Фестиваль обхода гор всегда съезжается множество туристов. Без компании Кан Чжэ интерес Тан Юйхуэя мгновенно угас.

— А почему ты не идёшь? — уныло спросил он.

— Потому что в этот день у меня важные дела, я не могу уйти, — ответил Кан Чжэ.

— Что за важные дела? — Тан Юйхуэй поджал губы. Ему всё ещё отчаянно хотелось пойти, и тогда, собравшись с духом, он ласково сказал: — Я хочу, чтобы ты пошёл со мной.

Его попытка проявить мягкость вышла неуклюжей, но воздух вокруг них тут же наполнился густой сахарной сладостью. Этим своим врождённым талантом Тан Юйхуэй пользовался крайне редко, но он всегда безотказно работал. Кэ Нин говорил, что это его коронный приём, и просил не использовать его по пустякам. Друг с напускной серьёзностью утверждал, что это запросто может развязать войну. Тан Юйхуэй списывал комплименты Кэ Нина на обычную лесть, но прекрасно осознавал: стоит ему умерить гордость и искренне изложить свою просьбу, и отказ практически исключён. Возможно, мир просто полон людей, падких на красивые лица, но, вероятнее, дело было в его собственной обманчивой невинности. Стоило Тан Юйхуэю смягчить тон, как обычные слова насыщались углеводами в невероятных количествах. Он намеренно превратил свои слова в пули, покрытые сахарной глазурью, надеясь, что Кан Чжэ хотя бы на миг поддастся этому наваждению. К несчастью, Кан Чжэ оказался невосприимчив к сладкому — он остался совершенно безучастным и холодно бросил:

— Вряд ли смогу.

— Ладно, — Тан Юйхуэй в глубине души ожидал такого исхода. Его охватила ещё бóльшая тоска, но желание пойти на праздник было так сильно, что пришлось скрепя сердце выбрать план Б.

— Тогда я поеду с кем-нибудь на попутке, — уныло сказал он.

— Вообще-то, тебе не обязательно ехать, — неожиданно произнёс Кан Чжэ. — В посёлке тоже будут гуляния, просто не такие масштабные, как в городе.

Тан Юйхуэй моргнул и уставился на Кан Чжэ.

— О-о...

Кан Чжэ бросил на него быстрый взгляд и равнодушно спросил:

— Идёшь или нет?

Тан Юйхуэй помолчал пару мгновений, а потом вдруг резко сократил дистанцию, крепко поцеловал Кан Чжэ в щёку, повис на нём и принялся задира́ть его одежду, словно что-то выискивая. Кан Чжэ довольно бесцеремонно отодрал Тан Юйхуэя от себя.

— Что ты творишь? — спокойно спросил он.

Тан Юйхуэй поднял голову и очень серьёзно ответил:

— Ищу следы сахарных снарядов.

— Не понимаю, — Кан Чжэ взял его рукой за подбородок и слегка сжал щёки. — Так ты идёшь или нет?

— Не пойду... — Тан Юйхуэй потёрся о его ладонь и, прищурившись, сладко улыбнулся. — А как празднуют у вас?

Кан Чжэ опустил руку.

— Приносят дары горе, — просто ответил он.

Тан Юйхуэй замер, а потом нерешительно спросил:

— О... А мне... можно пойти?

Кан Чжэ потянулся.

— А почему нельзя? Если будешь вести себя с должным уважением, никто и внимания на тебя не обратит.

— Тогда я хочу пойти, — сказал Тан Юйхуэй. — Хочу пойти с тобой.

— Мгм, — хмыкнул Кан Чжэ и, подняв руку, сжал его шею. — Тогда сходи спроси у моих родителей, предупреди их.

— Я сейчас же схожу! — громко заявил Тан Юйхуэй.

Он сполз с Кан Чжэ и стремглав бросился вниз. Кан Чжэ, стоя на крыше, наблюдал, как Тан Юйхуэй, возбуждённо жестикулируя, что-то объяснял его отцу во дворе. Он достал телефон, открыл календарь и, бесшумно постучав пальцем по экрану, несколько мгновений смотрел на него, а затем заблокировал телефон.

Вскоре Тан Юйхуэй вернулся.

— Дядя и тётя согласились! — радостно объявил он. — Только сказали, чтобы я не представлялся гостем — это не очень правильно. А можно сказать, что я ваш родственник?

Кан Чжэ мысленно вздохнул. Он притянул Тан Юйхуэя к себе и, словно играя с котёнком, почесал его под подбородком.

— А разве ты наш родственник? — спросил он с лёгким пренебрежением в голосе.

«Ведь это удар ниже пояса», — пронеслось в голове Тан Юйхуэя. Его сердце замерло.

— И как на это ответить? — прошептал он. — Я так понимаю, вопрос с подвохом.

Его лицо моментально залил румянец. Кан Чжэ провёл пальцем по его щеке, ощутив, как та нагрелась сильнее прежнего. Даже термометр не сработал бы так быстро. Кан Чжэ это показалось забавным. Он изогнул уголок губ:

— Тогда назови меня «а-Чжэ гэгэ». Хочу услышать это.

— Не буду... — Тан Юйхуэй отвернулся. Его щёки пылали почти алым, но на словах он всё ещё сохранял гордость: — Ну почему ты всегда так себя ведёшь...

— Как — так? — у Кан Чжэ было прекрасное настроение, и он, что бывало редко, проявил интерес.

— Ну... так, будто ты очень опытный... будто много с кем встречался... — медленно проговорил Тан Юйхуэй.

Воздух застыл, словно кто-то нажал на паузу. И хотя эта пауза была совсем короткой, Тан Юйхуэй заметил, что Кан Чжэ на мгновение замер. Впрочем, его выражение быстро вернулось в норму, и он даже улыбнулся:

— О, так мы с тобой встречаемся? — спросил он.

Уголки глаз Кан Чжэ изогнулись в той же привычной улыбке, но вот взгляд сменился с осеннего на зимний. И хотя улыбка осталась, та размытая неотступная, как тень, следующая за телом, двусмысленность вернулась.

— Не так уж много с кем, — медленно, глядя прямо на Тан Юйхуэя, произнёс он. — Пожалуй, у меня это впервые.

Тан Юйхуэй должен был обрадоваться, но внезапная и всепоглощающая пустота окутала его коконом.

— О, и у меня это впервые, — с трудом выдавил он.

Кан Чжэ выпустил Тан Юйхуэя из объятий и несколько мгновений пристально смотрел ему в лицо, а затем снова стал таким, каким Тан Юйхуэй знал его всегда.

— Надо же, даже это тебя не обрадовало, — очень медленно произнёс он.

Воцарилась тишина. Воздух превратился в липкую, вязкую субстанцию, плотно заполняя застывшее пространство. Спустя некоторое время Тан Юйхуэй заставил себя улыбнуться.

— Нет, что ты. Просто я немного удивлён. Как получилось, что у тебя никогда не было отношений?

Кан Чжэ помолчал с минуту, а затем его губы тронулся лёгкая улыбка.

— Не знаю. Просто так вышло. А ты в школе ни с кем не встречался?

Тан Юйхуэй покачал головой. Он не хотел продолжать эту тему и уже тысячу раз пожалел, что завёл этот смущающий разговор.

— Нет, — коротко ответил он.

Кан Чжэ кивнул но, вопреки обыкновению, не отстал от него:

— Почему?

Тан Юйхуэй посмотрел ему в глаза и с ноткой усталости ответил:

— Потому что не было никого, кто бы мне нравился.

Воздух на мгновение застыл. Кан Чжэ словно стоял перед зеркалом, безмолвно и безучастно улыбаясь отражению собственной души. Он выждал немного и всё же протянул руку, привлёк Тан Юйхуэя в объятия и поцеловал его в веко.

— Мгм, я понял. Не расстраивайся. У меня так же.

Тан Юйхуэй медленно моргнул. Ему отчаянно хотелось услышать от Кан Чжэ заветные слова, но он боялся снова произнести «нравится» и потому изловчился, переиначив вопрос:

— Как думаешь... есть во мне хоть что-то... что не вызывает неприязни?

Кан Чжэ на мгновение задумался, затем естественным движением сунул руку под куртку Тан Юйхуэя и, проведя ладонью по его рёбрам поверх тонкой белой футболки, словно гладил по спине козлёнка, выдал совершенно неожиданный ответ:

— Кожа?

Это было совсем не то, что хотел услышать Тан Юйхуэй, но всё его тело пронзил ток. Он повернулся, широко раскрыв глаза, собираясь возмутиться, но Кан Чжэ лишь рассмеялся:

— Очень белая, как козье молоко. И сразу краснеет на солнце.

И словно в подтверждение его слов, щёки Тан Юйхуэя моментально залились румянцем — совершенно против его воли. «Людам с тонкой кожей так не повезло, — с отчаянием подумал Тан Юйхуэй. — Неужели нельзя контролировать этот дурацкий румянец? Совершенно ненужный рефлекс!»

Кан Чжэ прекрасно понимал, что́ хочет услышать Тан Юйхуэй, но отвечающий всегда скучен. Поэтому он лишь вопросительно протянул, подкидывая новый вариант:

— Глаза? — Наклонившись, будто погрузился в раздумья, он с лёгкой усмешкой добавил: — Очень соблазнительные.

Тан Юйхуэй безмолвно капитулировал. Он опустил голову и прошептал:

— Ладно, я больше не буду спрашивать.

Кан Чжэ рассмеялся. Он мягко склонил поникшую голову Тан Юйхуэя ещё ниже и поцеловал его в макушку.

— Кожа, глаза, кости и сердце — все они хороши. Всё это вызывает симпатию. В тебе нет ничего неприятного.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130179>